

О МОДЕРНИЗАЦИИ ИСТОРИИ: (уроки дискуссии 60-70 гг. XX ст. в западной философии и методологии истории)

¹Национальный транспортный университет

²Гуманитарный институт Национального авиационного университета

В статье анализируются ценностно – нормативные аспекты исторического познания: проблемы исторической интерпретации, политико-идеологической обусловленности и истинности исторического знания, соотношения истории и современности.

Вступление

Проблема исторического объяснения является одной из самых актуальных в современной философии истории. Рассмотрение этой темы предполагает исследование эпистемологических вопросов, непосредственно связанных с проблемой соотношения истории и современности. С точки зрения такого подхода большой научный интерес представляют такие вопросы, как философско-ценностные основания и картина социума в структуре исторического исследования. Они тесно взаимосвязаны, и их решение позволяет пролить свет на способы и механизмы «осовременивания» истории, а также ее переписывания и фальсификации.

Постановка цели исследования

Целью статьи является выявление зависимости исторической реконструкции от социокультурного контекста, ценностей и целевых установок субъекта исторического познания, политических и идеологических программ современности.

Основная часть

В западной методологии истории XX века была предпринята попытка решения указанных вопросов преимущественно в логическом плане. Об этом свидетельствуют работы Карла Поппера «Нищета историцизма», «Открытое общество и его враги», К. Гемпеля «Мотивы и охватывающие законы в историческом объяснении», Е. Нагеля «Структура науки», М. Уайта «Основы исторического знания», Х.Г. Гадамера «Истина и метод» и др. авторов. Данные исследования показывают, что методология в значительной степени осуществляет свое влияние и воздействие на историографию через концептуальный и логический аппарат исследования. Однако многообразие форм историографии порождает и большое многообразие объяснительных приемов, которые невозможно свести к единой логической схеме. К тому же за логическими схемами скрываются старые философские проблемы. Поэтому вопрос ставится прежде всего о выборе способа анализа исторического знания. Г. Элтон и Г. Маерс полагают, что необходимо изучать историческую действительность посредством потенциально-бесконечного числа систем познания, поскольку каждая из этих систем раскрывает сущность действительности со своей точки зрения [1, с. 51; 2, с. 181]. В методологической литературе шли дискуссии о том, какая форма исторического объяснения предпочтительнее: объяснение через закон (К. Поппер и К. Гемпель), причинное или функциональное объяснение, или аксиологическое («ценност-

ное») объяснение [3, с. 231-237]. Описание трудностей исторического объяснения в процессе раскрытия сущности исследуемых исторических объектов содержалось в работе Г. Элтона «Практика истории». «Исследование истории, – писал еще в 60-е гг. прошедшего столетия Г. Элтон, – означает поиски истины. Но вопрос о том, существует ли на самом деле такая вещь, как историческая истина, является наиболее дискутируемой проблемой...» [1, с.51]. Историк справедливо упрекает философов, далеких от конкретного историографического исследования, которые утверждают, что исторического знания в строгом смысле слова не существует, а также отсутствуют возможности устанавливать истину в истории. Для этого отрицания они приводят два аргумента: 1) «прошлое, будучи мертвым и неспособным к возрождению, не может быть познано в каком-либо разумном смысле; 2) «влияние историка на его исследуемый материал превращает всю историю в дело личного выбора и интерпретации» [1, с.51]. «Оба этих поверхностных аргумента, продолжает он, показывают незнание ими принципов историографической практики. И нет ничего удивительного в том, что такие релятивистские, нигилистические взгляды иногда разделяют люди, которых обычно рассматривают как историков [1, с.51].

Несмотря на то, что автор апеллирует к историографической практике, критически анализируя подобные релятивистские оценки исторического знания, нельзя не согласиться с возможностью множества субъективных идеологических и мировоззренческих воздействий на процесс исторического исследования. Постановка проблемы объективности исторического познания является оправданной, так же как и попытки решать ее при помощи анализа логической структуры исторического знания и исследования специфики методологии истории. Интерпретацию последствий социокультурной обусловленности исторического познания невозможно охарактеризовать однозначно, так как она затрагивает широкий круг общих и специальных теоретико-методологических вопросов исторической науки.

Для некоторых исследователей указанной проблемы имелся и более узкий аспект – вопрос о связи между прошлым и настоящим в общественной жизни. Это весьма сложная проблема, так как не всегда легко отделить современный процессы от уже ставших историческими. Давно прошедшее и отжившее может продолжать существовать в настоящем; оно может проникать в настоящее, переходить в него, существовать в нем. По мнению Т.

Шидера, прошлое находится в постоянном процессе превращения, конец и начало которого очень трудно найти. Он поясняет эту мысль следующим образом: «Для социальных наук всякий общественный процесс открыт в будущее, он может постоянно повторяться, его можно как предмет неисторической структуры извлечь из всех временных отношений и изолировать. Претензия на обобщение, содержащаяся в социальных нормах и абстракциях, пытающаяся на основе отдельных фактов устанавливать регулярность, и иногда и закономерности высшего порядка есть преимущественно извлечение из временной структуры, в которой заключен тот или иной социальный феномен» [4, с. 2]. Надо понимать Т. Шидера так, что «временная структура» содержит в себе как историю, так и современные социальные процессы, что история как наука социальна, а социальные науки историчны. «Во всякой историографии и исторической науке, в их интерпретациях прошлого содержится в какой-то мере взгляд на будущее» [4, с. 3].

Действительно, влияние современной жизни колоссально, когда речь идет о работе историка. Например, выбор исторической темы и исторических фактов, постановка проблемы во многом субъективны и обусловлены средой и временем, в котором живет историк, его взглядами, мировоззрением, воспитанием, образованием, политическими, экономическими, социальными, религиозными и моральными проблемами современности. Современность находится в непрерывном медленном или быстром изменении, поэтому современность очень быстро становится прошлым, и в соответствии с этим изменяется также и характер интереса, который историки питают к прошлому. «Вот почему, – писал Э. Сестан, – мы видим из современности прошлое то в одном, то в другом свете (то ярче один цвет, то – другой), видим как высвечиваются из темноты или погружаются в нее некоторые аспекты этого прошлого, которые считаются второстепенными или вообще не имеющими никакого значения» [5, с. 6]. Нельзя не согласиться с выводом историка о влиянии политической идеологии на историографическую деятельность ученого. Изменение мировоззрения нередко ведет к пересмотру представлений о прошлом, и некоторые историки предпочитают не считаться с требованиями дистанции между наблюдателем и наблюдаемыми явлениями и их критической оценки. Актуализацию проблемы соотношения истории и современности вызывают как социально-политические, так и теоретико-познавательные причины. Известный историограф и методолог Г. Хьюз в свое время писал: «Когда-то я думал, что писать и изучать современную историю есть дело не очень респектабельное. Сейчас же мы все принимаем положение Кроче о том, что историческое писание с необходимостью включает современную историю» [6, с. 89, 94]. Западная методология истории в целом, не принимая тезиса Б. Кроче о том, что «вся история есть современная история», тем не менее уже тогда признала необходимость для историка оправдать социальное назначение своей деятельности, повысить роль истории в системе наук об обществе. Для этого необходимо выработать определенное теоретическое отношение

к истории, которое делает недостаточным рассмотрение фактов лишь как эмпирического материала и предполагает осмыслить принцип преемственности в общественной жизни, формы исторической генерализации. На вопрос о том, «в какой мере современность связана с прошлым и как отражается в процессе исследования связь между ними?» западные ученые отвечали по-разному.

Для Д. Доузера стало правилом противопоставление истории и современности, что нашло свое выражение в суждениях о необходимости элиминации влияния современности на историографическую практику [7, с. 378-386]. Другие пришли к скептическим выводам о возможности объективного познания прошлого и оценки исторических фактов. Ряд ученых не удовлетворяют традиционные для историзма взгляды на соотношение прошлого и настоящего. Они формируют новую концепцию – презентистскую тенденцию – осовременивания истории. Она содержит в себе нигилизм по отношению к познанию прошлого. Это, конечно, не означает полный отказ от изучения прошлого. Сторонники презентистской концепции придерживаются мнения, что изучение прошлого правомерно только в той мере, в какой оно является средством или компонентом в объяснении настоящего или прогнозирования будущего. По мнению А. Стерна, необходимость осовременивания истории была доказана Б. Кроче и особенно таким своеобразным мыслителем, как испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Мы имеем дело здесь с концепцией истории как науки о настоящем. Для Ортега «прошлое не является абстракцией, инертной вещью, оно живая сила, которое поддерживает настоящее... прошлое не там, оно здесь, во мне самом. Я есть прошлое, то есть прошлое есть моя жизнь. Это совершенно верная истина» [8, с. 20]. По убеждению сторонников презентистской концепции истории, только современная история дает практическую пользу и история часто нужна лишь для того, чтобы давать материалы для футурологических выводов. Естественно эта модернизация сужает предмет и функции истории. Такие историки стремятся только к «выраженной прагматической полезности во всей исследовательской работе...» [9, с. 262]. Но презентистское толкование современной истории принципиально отличается от статуса научной истории, так как презентизм во многом формируется как следствие неправильного подхода к вопросу об актуальности в истории и ее социальных функциях. Поэтому презентизм нередко связан с неправомерной модернизацией и конъюнктуризацией исторического прошлого и, таким образом, он как методология глубоко враждебен задачам исторической науки, которая по своей природе фундаментальна и несет в себе высокий заряд познания.

Следует отметить субъективно-релятивистскую интерпретацию проблемы соотношения истории и современности в дискуссиях того времени. Ее сторонники не разделяли точки зрения презентистов о том, что история есть лишь момент в познании явлений настоящего, что она сливается с современностью. Они напротив подчеркивали специфику познания объектов прошлого сравнительно с ис-

следованием современных социальных явлений. Анализируя реальные трудности исторического познания, такие как особенности объекта истории, специфика взаимодействия субъекта и объекта в процессе исследования, ограниченность и неполнота достигнутого знания и др., они релятивистски истолковывают историю, субъективно-презентистски интерпретируют исторический опыт. И это имеет свои основания. Историческое знание субъективно по своей сути, так как история неотделима от самого человека в отличие от соотношения субъекта и объекта в естественнонаучном познании. Однако историческая наука одновременно способна давать объективную истину, несмотря на то, что историческое познание есть самопознание, а историческая реальность быстро изменяется.

Отмеченные тенденции и особенности в историческом мышлении 60-х и 70-х гг. XX столетия отражали прежде всего действительные трудности познания прошлого, особенности политической ситуации в мире, связи между исторической наукой и современностью в ту эпоху. В немалой степени это было связано со стремлением деполитизировать историю, освободить историческую науку от идеологии. Люди нередко начинают, исходя из своих идеологических представлений, искать в прошлом то, чего в нем нет. Отсюда следует специфическая задача освобождения истории от прошлого. Известный историк Г. Баттерфильд посвятил этому вопросу специальную работу «История как освобождение от прошлого», в которой он отмечает, что современное человечество «слишком романтично или суеверно в отношении прошлого». Это объясняется тем, что «мы сами должны почувствовать отрезок времени, который, с одной стороны, так подвижен и неизведан, с другой – так безжалостен и необратим» [10, с. 3]. Справедливо борясь с абсолютизацией прошлого, а также с презентизмом в историографии, стремлением поставить историю на службу определенным политическим целям, Г. Баттерфильд пишет: «Ришелье, Наполеон, Ленин – люди, изменившие или свергнувшие *status quo*, признавали, что история дает им важнейшие средства борьбы. Даже в настоящее время никто так не оказывает сильного давления на историю, как революционеры; возможно, в некоторых отношениях они превосходят всех остальных в научных попытках вернуть прошлое в качестве их союзника и их раба» [10, с. 16]. Но можно ли считать задачу быть средством борьбы для исторической науки ее социальной функцией? Очевидно нет.

Из всех образов истории именно националистические наиболее сильны и наиболее распространены и поэтому наиболее вредны. Национальные ограничения исторического знания далеко выходят за рамки удобных, но вводящих читателей в заблуждение, картин истории. Узость национализма или расизма, ксенофобии широко известна и подавляющее большинство историков остерегаются их. Но одновременно существует и другое ограничение – ограниченность во времени, которая менее осознается и более неуязвима. Существование временных границ объективно ведет к модернизации истории. И историки с трудом борются с этой особенно-

стью исторического познания. Г.С. Коммеджер описывает этот недостаток таким образом: «Мы имеем обыкновение рассматривать прошлое нашими собственными глазами, оценивать все на основе наших собственных стандартов, пересказывать все нашими собственными словами или наоборот передавать языком прошлого наше собственное мнение, принимая все, что бы не случилось в том или ином прошлом, забывая, что прошлое когда-то было настоящим» [11, с. 46]. Действительно, временная ограниченность откладывает серьезный отпечаток на историческое познание, так как мы можем говорить о прошлом только собственным языком, осмысливать прошлое лишь при помощи своего аппарата мышления. Поскольку мы существуем в настоящем, наши слова и мысли не могут не быть современными. «Было бы большой ошибкой, – подчеркивает Г.С. Коммеджер, – игнорировать возможности настоящего и увести себя в сумерки прошлого. Мы не можем оказаться в шкуре Кира, Брутта, Жанны д'Арк или индейского вождя Понтиака. И, хотя наша историческая совесть требует от нас сделать это, и иногда, создавая великие истории и монументальные биографии, нам удастся сделать такую попытку, она не всегда является неудачной [11, с. 46]. Однако трудности и проблемы модернизации истории намного глубже. Это означает, что мы почти инстинктивно полагаем, что прошлое было создано только для нас, для того, чтобы обслуживать наши текущие интересы и оно имеет значение только в тех случаях, когда оно выгодно нам. «Как легко мы можем впасть в распространенную ошибку, полагая, что средневековые люди были средневековыми в своей собственной оценке, или что человек эпохи Возрождения не оправдал бы наших надежд, если бы не дошел до нашего понимания, каким ему следует быть, или что английские колонисты, первыми вышедшие на американский материк знали, что они были предками американцев» [11, с. 47]. Трудно не согласиться с американским историком в том, что прошлое было также действительно для тех, кто жил в нем, как настоящее для нас, и что люди прошлого жили не для наших наставлений, также точно как и мы живем не для наставлений будущих поколений. Но существует еще одна опасность модернизации, которую в ряде случаев невозможно избежать, но от которой мы тоже должны оберегать себя. Этой опасностью является знание свершившегося факта. Речь идет о том, что мы изучаем историю ретроспективно, мы уже знаем, чем закончились те или иные процессы, что случилось в истории и не можем взглянуть на историю глазами простака. «Мы знаем, – пишет Г.С. Коммеджер, – что афинская экспедиция в Сиракузы должна провалиться, что Рим покорит Карфаген и Римская Республика станет Империей, что мусульмане будут вытеснены из Западной Европы, что наступит триумф Христианства, и что Англия победит в борьбе за американский континент, и что ничто иное как казалось бы неясная точка зрения Вашингтона приведет его истрепанные армии Йорктаунс к победе...» [11, с. 47]. Наша неспособность отделить себя от знания того, что стало потом, приводит к тому, что наш взгляд на прошлое является

астигматическим. Мы неизбежно отнесем к прошлому известное заблуждение «а post hoc propter hoc», зная, чем закончился процесс, мы будем уверены в его причинах. «Так в Риме, готовом пасть под ударами варваров, — подчеркивает Г.С. Коммейджер, — мы найдем объяснение этого падения в развратной, распущенной жизни общества; или когда Британия оказалась перед роком потери американских колоний, мы благосклонно примем концепцию Тома Пейна, что абсурдно, когда континент принадлежит острову; так, зная, что Конфедерация предопределена к поражению, мы очевидно найдем причины этого поражения» [11, с. 47].

Но если мы согласимся с такой точкой зрения, то окажемся неспособными к пониманию истории с ее собственных позиций. Давид Дональд сказал по этому поводу: «Историки — гражданские лица, сопровождающие победоносные армии». Зная, какая сторона победит, они инстинктивно связывают себя с побеждающей стороной и «находят все для объяснения этого триумфа, одновременно игнорируя противоположные события» [11, с. 47]. Поэтому нет ничего более ошибочного в исторических исследованиях, чем отсутствие сомнений, знания об альтернативах в истории. Мы полагаем что, чтобы не случилось в истории, неизбежно должно было случиться как желание Бога, действие эволюции или сил прогресса. «Мы все находимся в положении читателя волшебных рассказов, — пишет Г.С. Коммейджер, — который читает последнюю главу первой. И мы должны помнить, что мы не знаем, куда наша собственная история нас приведет, так же как не знали этого и предыдущие поколения людей» [11, с. 47]. Как известно ход истории не предопределен, концепция исторического развития, построенная на идеях общественного детерминизма и программирования, уже давно ушла в прошлое. Позитивистские и марксистские теории существования общественных законов подобно природным оказались несостоятельными. В том случае, если бы мы признали возможность сведения человеческих деяний в истории к действию законов, так называемой «земной механике», то моральный контроль над тем, что произошло, был бы бессмысленным. Если бы люди теоретически открыли законы исторического развития, то оказались бы в плену своей собственной судьбы и были бы бессильны изменить ее. Прошлое, настоящее и будущее были бы нам не подвластны и стояли бы за пределами нашего выбора и воли. «Мужчины и женщины были бы прикованы к своим судьбам, как звезды и морские приливы и отливы к своему определенному режиму» [12, с. 14]. Но, насколько нам известно, ход истории не предопределен, и жизнь всегда была такой, как она есть и сейчас: «шум сделок и баталий». Поэтому интеллектуальный призыв понять прошлое не менее непреодолимый, чем понять настоящее и будущее. Тем не менее, по мнению Г.С. Коммейджера, здесь есть одно здоровое отличие: «если мы понимаем настоящее, мы можем управлять им, но нет способа управлять прошлым» [11, с. 48].

Мы описали некоторые тенденции в западной исторической мысли второй половины XX столетия. Заметной целью историографии того времени ста-

новится познание прошлого через внутренний мир человека, его отношение к обществу, самому себе, а не наложение категориальных схем и глобальных структур на исторический процесс. Также были достигнуты успехи в процессе изучения истории повседневности и психоистории, созданы работы по методологии и теории исторического познания. Следует отметить растущий интерес к теоретико-методологическим проблемам исторической науки, что являлось закономерным в условиях того переломного этапа развития общества, идеологического противостояния различных школ и ориентаций ученых (марксизм, позитивизм, неокантианство, герменевтика и др.). Внимание историков привлекла методология не только как система методов, но и как технология исследования, несущая на себе отпечаток личности исследователя. «Историк, — писала Вероника Веджвуд, — должен быть скромнейшим человеком; он встречается дюжину раз в день с очевидностью своего собственного невежества, он бесконечно стоит лицом к лицу со своим собственным унижением, неспособностью выразить свой материал правильно; он находится в ощущениях того, что другие историки могут не находиться в зависимости от этого материала» [11, с. 43]. Большинство историков-фальсификаторов, читая это высказывание, скорее всего, согласятся с этим. Они прекрасно осознают пределы своих возможностей и представляют помехи, которые затрудняют их работу, а также искушения и опасности, которым они подвержены. Но читатели их книжек, изложение материалов в которых их полностью устраивает, предпочитают смотреть сквозь пальцы на эти пределы. А многие такие историки даже не способны к интерпретации трудностей, присущих их работе. В действительности, история более хаотична и беспорядочна, чем это представляется обывателю. Для большинства любителей она проста и открыта, стоит только собрать факты и расставить их в некотором благоразумном порядке. Известный историк Генри Адамс еще в 1918 году сделал интересное высказывание по этому поводу, ставшее теперь уже классическим. Он опубликовал более десяти томов по истории Америки, отмечая, что делает это не только для того, чтобы его работа отвечала строжайшим принципам исследования, стремясь к минимуму комментариев, а для того, чтобы удовлетворить читателей. Ему казалось, что выстроенные им в определенном порядке факты верны, что он останавливает свое внимание на знаковых моментах необходимой последовательности событий развития общества. Но, в результате, как признался он, была неудача. «Там, где он видел последовательность, другие видели что-то совершенно другое и ни один исследователь не использовал одну и ту же единицу измерения» [11, с. 44]. Поэтому он прекратил заниматься историей и попытался доказать, может и не совсем удачно, что девять страниц его романа «Эсфирь» были ценнее, чем девять томов его истории. Потомки, возможно, не согласятся с его вердиктом, но это уже совсем другое дело.

Что же представляют собой те ограничения в рамках познания истории, которые так обескураживали историков?

Во-первых, существует недостаток исторического материала, и многое зависит от случайности. Если химик или биолог может найти материал необходимый для эксперимента, то историк нередко работает со случайно попавшими в руки материалами. Историком позволено знать лишь малую часть того, что происходило в истории, и то это может быть случайно или выборочно попавшим ему материалом. “То, что мы можем видеть в истории, – подчеркивает Г.С. Коммейджер, – намного меньше той части айсберга, которую мы можем видеть на поверхности” [11, с. 44]. Большая часть истории потеряна для нас уже потому, что она никогда не была собрана или была уничтожена эрозией времени, огнем и водой. Она может быть потеряна уже потому, что была умышленно уничтожена. И мы не можем знать, что то, что доходит до нас из прошедшей истории, является наиболее важным или подлинным рассказом о произошедшем.

Другой трудностью исторического исследования, приводящей к искажениям прошлого, есть искажение исторических источников, летописей, свидетельств. Мы хорошо изучили историю европейских народов, потому что эти страницы прошлого были нам доступны и потому, что по этому периоду сохранилось множество исторических источников. Мы пишем историю Европы так, будто бы это есть история, включающая все прошлое. Но это не значит, что летописи и источники не европейских народов полностью потеряны или не существенны, если речь идет об Африке, Карфагене или доколумбовой Америке. Но даже там, где такие источники существуют, например, по истории Китая или Индии, западные историки игнорируют их. Ученые позволяют себе сделать универсальные обобщения и широкие формулировки на основе выборочного подхода, анализа только фрагментов прошлого и произвольных событий. Сама наша уверенность в том, что история основывается, как правило, на письменных источниках, может привести нас к заблуждению и поставить в тупик. Отсюда следует неизбежный вывод, что мы преувеличиваем роль написанных текстов и тех людей, кто делал такие записи, игнорируя тех людей, которые не писали их и те летописи, которые прерывисты и хаотичны. Даже при описании наиболее известных событий составители летописей вносили искажения такого рода: “рабовладельцы были грамотны и говорили членораздельно; негры-рабы – безграмотны и говорили нечленораздельно, принимая рабовладельческую версию рабства и считая ее историей прошлого” [11, с. 45].

Большинство европейских историков имеет неосознанное предубеждение в пользу литературной истории Западной Европы, игнорируя другие регионы, или принимает сторону иудеев в их борьбе против Вавилонии, сторону греков в их противостоянии Персии, сторону римлян, воюющих с варварами. Еще одним моментом искажения истории является обольщение эффективным зрелищем, драматизмом, странным, катастрофами в истории, захваты-

вающих летописцев и историков. Так было всегда, пишет Г.С. Коммейджер, и так продолжает оставаться сегодня, о чем можно узнать, прочитав любую ежедневную газету. “Историка привлекает то же самое: драматическое, необычное, романтическое; он пишет анналы о богатом и великом, а не о бедном, которое, как мы знаем, просто и коротко” [11, с. 45]. Отсюда следует и распространенное заблуждение, что и сама история подобно летописям о ней – драматична и удивительна. В действительности, большая часть истории рутинна, скучна и неинтересна, и все люди понемногу делают ее: “рабы также как и хозяева, островитяне южных морей также как и парижане” [11, с. 45]. Читатели исторических книг наоборот уверены в том, что великие государственные деятели и полководцы делают историю, или определенные народы в определенное время – афиняне в пятом веке до нашей эры, французы во время своих великих революций и т.д. Но это означает лишь одно, пишет Г.С. Коммейджер, что “люди, делающие определенную сферу или фрагмент истории, обращаются к нам, и мы пишем о них в истории” [11, с. 46]. “Подобное соединение, как и очарование драматизмом, напоминает короткое время близости” [11, с. 46], – подчеркивает историк. Опасность для историка представляет знаковая хронология истории, привычка делить историю на определенные периоды “с наклейками – “древняя”, “средневековая”, “современная” или разделение американской истории на колониальный период, революцию, средний период и т.д.” [11, с. 46]. Мы так привыкаем к подобной периодизации прошлого, что нередко забываем о том, что это не объективные фазы истории, а наши модели прошлого. “Есть еще более уточненное разделение, которое является еще более искусственным: привычка впихивать историю в смиренную рубашку монархической или президентской моделей” [11, с. 46]. Таким образом, мы пишем: эпоха Людовика XIV или Наполеона, эпоха Джефферсона или эпоха Франклина Рузвельта [11, с. 46].

Глобализация исторического развития актуализирует выделение ключевых эпох и периодов в развитии социума и вынуждает историков принимать определенные исследовательские парадигмы, чтобы успешно решать стоящие перед ними задачи. Заметно меняется и сам образ мышления историка: его усилия должны быть направлены на выявление внутренней противоречивости исторического источника, содержащей элементы проекций скрытых смыслов. Многочисленные исследования, осуществляемые на макроуровне, сменяются поколением мультипликационных разработок, выполняемых на микроуровне, а сама история представляется набором рассказов и интерпретаций. Отсюда и желание историков использовать инновационные методы исследования, такие как психоисторические, лингвистические, метод аналогии, компаративный подход, используемые на уровне микроисторического анализа.

В последней четверти XX века в историографии возобладало ироническое отношение к проблеме смысла истории. В результате большие исторические схемы, как формы раскрытия логической ипо-

стаси исторической истины, были дискредитированы. В 2000 г. на XIX Всемирном конгрессе историков в Осло в докладах П.Сиды и К. Лойда было предложено отказаться от старых картин истории, перейти от политической и социальной истории к историческим описаниям человеческого мира во всей его сложности. Немного позднее, даже в рамках концепции глобальной истории, возникло понимание того, что представление об истории в целом формируется при помощи локальных культурных призм, которые создают множество изображений, отражающих разнообразие мировых культур.

Выводы

Поднятые в нашем исследовании проблемы, создают хорошую основу для планирования и осуществления методологических разработок при помощи философии истории, знания эволюции исторической мысли, опыта конкретных исторических исследований. При написании исторических трудов недопустима политизация исторической науки, и исторические исследования должны отвечать требованиям научной объективности, а также базироваться на многовариантной методологической основе. Интерпретация исторического материала

должна учитывать как национальные и политические интересы, так и общечеловеческие ценности.

Список литературы

1. G. Elton. *The Practice of History*. – London, 1967. – 178 p.
2. H. Myers. *Systematic Pluralism*. – Ithaca, 1995, p. 181 – 187.
3. M. Mandelbaum. *Historical Explanation: the Problem of «Covering Laws»*. // «History and Theory», 1961, vol. 1, N 3, p. 231-237.
4. Шидер Т. Различия между историческим методом и методом социальных наук. – М.: ИНИОН, 1970. – 23 с.
5. Сестан Э. *История событий и история структур*. – М.: ИНИОН, 1970. – 20 с.
6. Hughes H.S. *History as art and as Science*. – New York – Evanston – London, 1964. – 118 p.
7. Dozer D. *History as Force*. // «Pacific Historical Review», vol. XXXIV, N 4, p. 378-386.
8. A. Stern. *Philosophy of History and the Problem of Values*. – Mouton-s-Gravenhage, 1962. – 248 p.
9. G. Ritter. *Scientific History, Contemporary History and Political Science*. // «History and Theory». vol. I. 1961, N 11, p. 262 – 270.
10. H. Butterfield. *History as the Emancipation from the Past*. – London, 1956.- 120 p.
11. Commager H.S. *Nature and Study of History*. – Columbus, Ohio, 1966. – 160 p.
12. Beard C.A., Smith G.H.E. *The Open Door at Home*. – New York: The Macmillian Company, 1965. – 331 p.

С. В. Синяков, Е. Ф. Сластенко

ПРО МОДЕРНІЗАЦІЮ ІСТОРІЇ: (УРОКИ ДИСКУСІЇ 60-70 РР. В ЗАХІДНІЙ ФІЛОСОФІЇ І МЕТОДОЛОГІЇ ІСТОРІЇ)

У статті аналізуються ціннісно-нормативні аспекти історичного пізнання: проблеми історичної інтерпретації, політико-ідеологічної обумовленості і істинності історичного знання, співвідношення історії і сучасності.

S. Siniakov, E. Slastenko

ABOUT THE MODERNISATION OF HISTORY

(THE LESSONS OF DISCUSSION IN 60-70 YEARS IN WESTERN PHILOSOPHY AND THE MENODOLOGY OF HISTORY)

The article is devoted to the analysis of value-normative aspects of historical cognition: the problems of historical interpretations, political and ideological substantiation and truthfulness of historical knowledge, coincidence of history and present time.